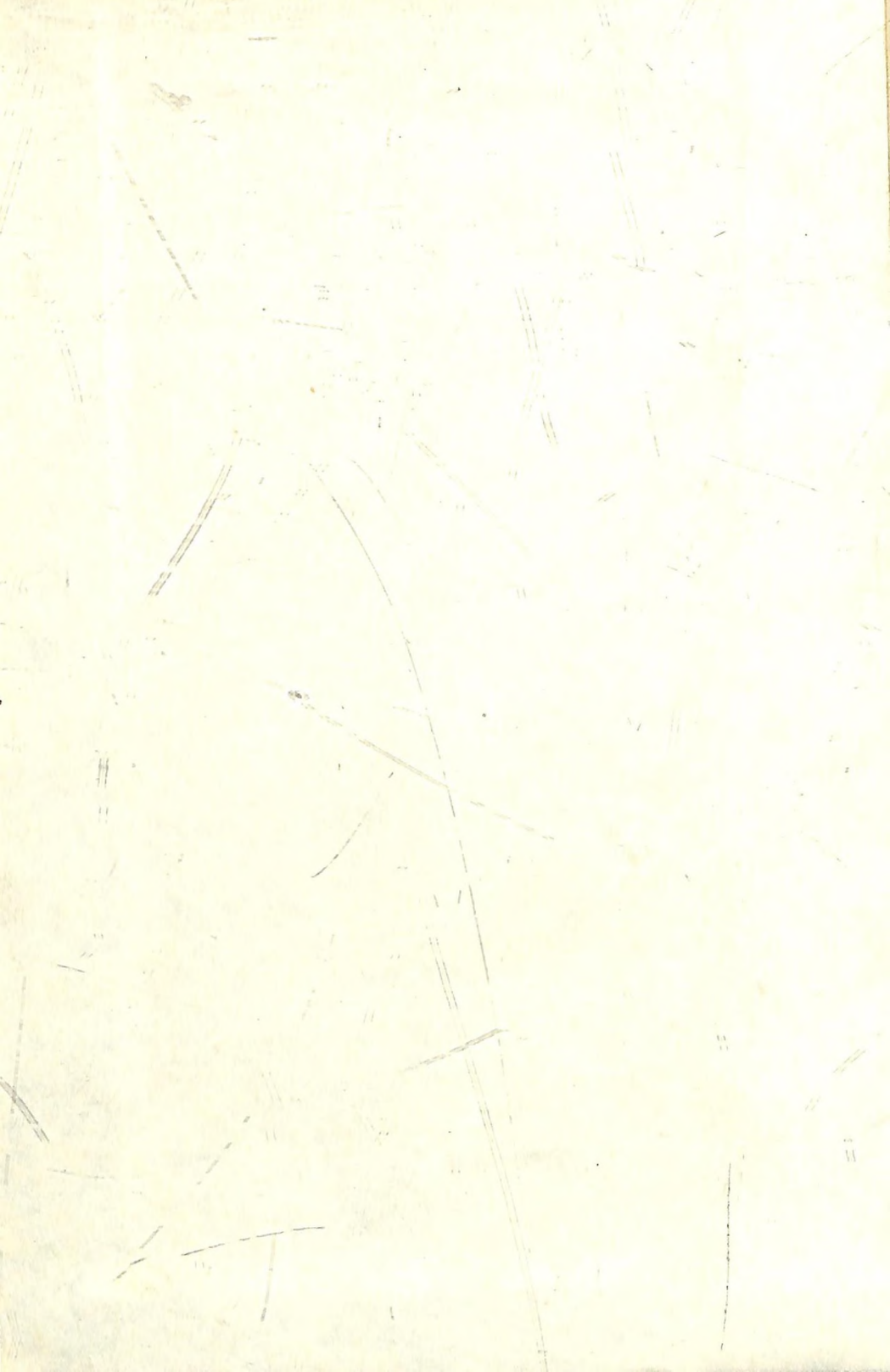

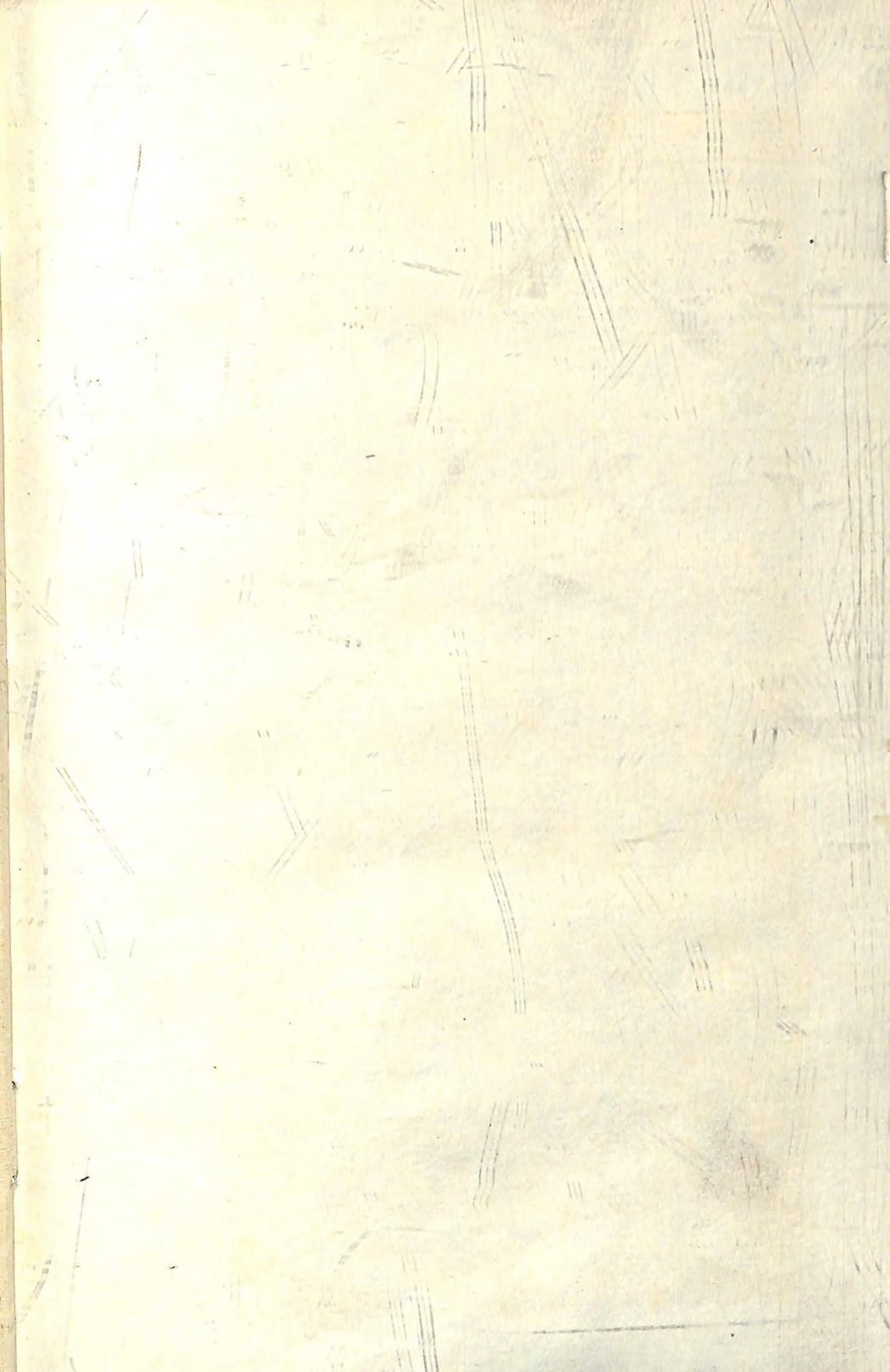
72

0-94

Озек
кауке гревнос-
теи

1850г.

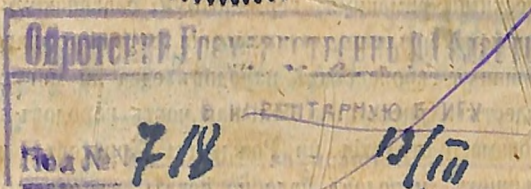

9
285412

727

8218

5711
K 11
1937.

ОЧЕРКЪ НАУКИ ДРЕВНОСТЕЙ.

I.

Археологія, въ пространнѣйшемъ смыслѣ, есть совокупность всѣхъ свѣдѣній, служащихъ къ объясненію политическаго, общественнаго и частнаго быта древнихъ народовъ, — свѣдѣній, которыя образуютъ собою четыре цикла, обнимающіе: а) языки и литературу, б) искусства съ ихъ памятниками, в) исторію государствъ, религій и нравовъ и д) древнюю географію. Если предметы археологіи, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, будутъ приведены въ систему, распределены на основаніи известныхъ началъ и соединены въ одно органическое цѣлое, какъ выраженіе древней жизни и стремленій древнихъ, тогда рождается наука древностей, которая, по своему вещественному содержанию, совпадаетъ съ изученіемъ древностей, въ тѣсномъ смыслѣ, но формально отличается отъ него, какъ систематическое знаніе отъ опыта, и при образованіи своей системы руководствуется известными формальными науками, именно изъ области философіи — прикладною логикой, эстетикой и прочая, въ которыхъ не имѣетъ нужды изученіе древностей въ тѣсномъ смыслѣ. Въ наукѣ древностей изученіе древней литературы обращается въ филологію, наука древняго искусства въ частную археологію, занятіе исторією возвышается до критическо-философской исторіи и даже самая географія принимаетъ по возможности видъ системы. Во всемъ своемъ объемѣ археологія вообще должна была бы представить собою картину всѣхъ народовъ, время и частей

Горько-Алтайскій
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА 7170

166111 / 04 1199-951
285412

свѣта, до той эпохи, когда настала совершенно новый порядокъ вещей. Такой всеобщей картины народовъ мы еще не имѣемъ, но вла-
дѣемъ только египетскими, индѣйскими, еврейскими, ассирійскими, греческими, римскими, германскими, славянскими и прочими древно-
стями и матеріалами для построения этого огромнаго цѣлага. Древности
новѣйшихъ европейскихъ народовъ едва ли могутъ быть доведены до
Рождества Христова, а бѣольшая часть городовъ существуетъ только
съ осьмаго столѣтія по Рождеству Христову; поэтому, древностей
новѣйшихъ народовъ надобно искать въ среднихъ вѣкахъ. Изслѣдо-
ванія эти получили у бѣольшей части народовъ національный ин-
тересъ и годъ отъ году возбуждаютъ бѣольшее участіе. Для италъ-
янскихъ древностей существуютъ собранія Муратори, Маффеи, До-
нати и другихъ; для французскихъ — Монфокона, Миллена и дру-
гихъ; для британскихъ — Бекстера и другихъ; для сѣверныхъ Мон-
ке, Моне, Грѣтера, Крузе, Раска и другихъ; для германскихъ — Я.
и В. Гриммовъ, Гѣрреса, фонъ-дѣръ-Гагена, Лахмана, Гофмана, Фал-
лерслебена и другихъ.

Египетскія древности сдѣлались для насъ доступными только съ
французской экспедиціи; изслѣдованія Цоёги, Катрмера, Шпона, Денона,
Меню Минутולי, Шампольона, Зейфарта, Лепсіуса — основаны на от-
крытыхъ въ то время памятникахъ. О древней Индіи основательнѣй-
шія свѣдѣнія находимъ въ трудахъ Джонеса, Колебрука, Анкетилля-дю-
Перрона, А. В. Шлегеля, преимущественно же въ сочиненіяхъ Болена;
объ ассирійскихъ древностяхъ сочиненія Ботты и Леярда; о Пер-
сіи въ сочиненіяхъ Гаммера, Гѣрреса, Роде и другихъ; объ іудей-
скихъ древностяхъ писали: Икей, Фаберъ, Пѣйферъ, Роландъ,
Варнекросъ, Бауеръ, Беллерманъ, Янгъ, Гартманъ, Винеръ и дру-
гіе; о древностяхъ христіанской церкви писали Бингамъ, Планкъ,
Аугусти, Баумгартенъ, Мюнтеръ и другіе. Но изученіе грече-
скихъ и римскихъ древностей, безспорно, имѣетъ наибѣольшее зна-
ченіе для современнаго міра и производится съ необыкновенною
дѣятельностью. Одна эта часть археологіи имѣетъ полную исторію и
обработана во многомъ какъ нельзя лучше. Съ четырнадцатаго
столѣтія Итальянцы, Французы, Англичане, Голландцы и Нѣм-
цы поочередно старались отличиться въ ревности и въ любви къ
изученію классическаго міра, между-тѣмъ какъ остальная Европа
болѣе или менѣе примыкала къ однимъ или къ другимъ.

Какъ новый міръ, предстали тогда пробужденной отъ долгой дремоты Европѣ древняя Эллада и Лаціумъ, и тогдашніе европейскіе ученые съ энтузіазмомъ мореплавателей спышили овладѣть богатыми берегами. Сначала присвоила себѣ этотъ чудный кладъ Италія, будучи, по своему географическому положенію, въ отношеніи воспоминаній, памятниковъ искусствъ, ближе поставлена къ древности, чѣмъ всякая другая европейская страна. Предводителемъ этого завоевательнаго легіона былъ великій поэтъ Петрарка, который, вслѣдствіе чистаго вдохновенія, началъ, въ болѣе политическія, чѣмъ ученые времена, собирать забытыхъ латинскихъ авторовъ и съ непоколебимымъ рвеніемъ заботиться о распространеніи греческаго языка, которому самъ научился отъ монаха Варлаама, и, подобно ему, посвятилъ не менѣе любви искусствамъ, и славой своихъ сочиненій воодушевилъ лучшіе умы Италіи. Ободренные его примѣромъ, въ первые ряды вступили Бокаччіо, Іоаннъ Равенскій и другіе герои, замѣчательные болѣе по энергіи и живому сообщенію, чѣмъ по учености. Но трудно и медленно подвигалась работа эта въ первые годы, такъ-какъ имъ доступны были болѣею частью одни только римскіе писатели; однако дѣло пошло быстрее и блестяще, когда въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, угнетенные въ своей родинѣ, греческіе ученые стали все болѣе и болѣе переселяться въ Италію. По паденіи Константинополя (1453) они считали уже ее своею родиною. Вотъ имена главнѣйшихъ изъ нихъ: Мануиль Хризоларъ, Виссаріонъ, Феод. Гаца, Ласкарисы, И. Аргиропуль, Дмитр. Халкондилъ, М. Мазуръ. То, чего сами они не могли-бы сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ, такъ-какъ не владѣли ни искусствомъ сочинять, ни глубокими познаніями, ни обширными способностями, — съ избыткомъ было вознаграждено живѣйшею дѣятельностью тогдашнихъ итальянскихъ ученыхъ и поэтовъ, соревнованіемъ государей, государственныхъ мужей, ученыхъ и юношей, ухватившихся съ неутолимою жаждою за объ древняго искусства и прильпнившихъ съ фанатическою любознательностью къ правамъ, обычаямъ и понятіямъ древняго міра. Болѣе всѣхъ, способствовавшихъ въ то время наукѣ своими пожертвованіями, прославились Медичи, которые основаніемъ огромной библіотеки, обширнымъ собраніемъ памятниковъ искусствъ, и въ особенности соединеніемъ гениальныхъ умовъ возвысили Флоренцію до званія столицы музъ Лаціума и Эллады; кромѣ ихъ этому благому дѣлу содѣйствовали папы Николай-Пятый

и преемники его. Библиотеки, музеи и ученые общества съ половины пятнадцатаго столѣтія приобрѣли еще высшую степень развитія. Множество наградъ и заманчивыхъ обѣщаній, учительскихъ мѣстъ въ важнѣйшихъ городахъ, авторской славы и содѣйствія частнымъ видамъ вельможъ, привело въ движеніе постоянно возрастающее число археологовъ и умножило ихъ труды. Кодексы были составляемы въ большомъ количествѣ, въ особенности трудами Фр. Роггіо и Фр. Фидельфо; размножались посредствомъ списыванія и подвѣргались критическому разбору; древніе классики были объясняемы для всеобщей доступности, и обработаны въ многочисленныхъ сочиненіяхъ. И что сляніемъ столь многихъ силъ совокуплено было въ границахъ одного мыслящаго общества, поддерживавшагося сверхъ того изустными сообщеніями, то съ изобретенія книгопечатанія вошло во весь общественные круги и вскорѣ перешагнуло за Альпы. Гварини, Лавр. Вала, Г. Мерула, Ермолай Барбарусъ, Авг. Полиціанъ, Марс. Фицинъ, Н. Пероттъ, Домиц. Кальдерій, I. A. Кампанусъ, Ландиши и Бироальды побѣдоносно водрузили въ Италиі знамя науки въ различныхъ областяхъ науки древностей, гдѣ слѣды этихъ мужей и теперь еще служатъ руководствомъ для изслѣдователей. Съ начала шестнадцатаго столѣтія въ Италиі археологія, вмѣсто прежняго независимаго направленія, получила значеніе особенной науки, которая однако не только нуждалась въ общественной благосклонности и общественномъ отличіи, но и не имѣла положительныхъ схоластическихъ правилъ. Никогда красоты древнихъ не были оцѣняемы съ болѣею вѣрностью, ни распространяемы съ болѣею быстротою въ новыхъ произведеніяхъ; разысканія же по предмету политики и нравовъ, критика классическихъ авторовъ, объясненіе содержанія нѣкоторыхъ мѣстъ въ древнихъ писателяхъ приняло въ опытныхъ рукахъ классическій характеръ. На этомъ обширномъ полѣ изысканій въ особенности отличились: Ald. и Paul. Manutius, Sigonius, Victorius, Ursinus, Macchiavelli, P. Bembo, Gyraldi, Vida, Muretus. Пристрастіе къ латинскому языку удерживало рывительный перевѣсъ до конца этого столѣтія, но съ началомъ семнадцатаго вѣка, когда эта страсть стала исчезать, заботливое стараніе объяснить памятники и древности выступило впередъ и нашло неисчерпаемую помощь въ мѣстномъ содѣйствіи; на этомъ поприщѣ ознаменовались: Fabretti, Maffei, Corsini, Marini, Visconti и другіе и Flacciolati, одинъ изъ послѣднихъ латинистовъ. У

большей части археологовъ этого времени замѣчаютъ недостатокъ плана, методы и преимущественно, такъ сказать, руководнаго начала. Наконецъ, Италия перестаетъ быть путеводительницею въ области археологii, хотя не перестаетъ постоянно считать между своими учеными знаменитыя имена Lagomarsini, Garatoni, Morelli, Mai.

Изъ Итали изученiе древностей распространилось прежде всего и наиболее во Франци, въ Нидерландахъ и въ Англи. Францiя опередила сосѣдственныя земли; классическая ученость была удѣломъ ея типографшиковъ, юристовъ, духовенства и народныхъ учителей (Budaus, Turnebus, Stephani, Lambinus, Cujacius и другie); ей принадлежатъ учителя всеобщихъ познанiй, Casaubonus, Jos. Scaliger — величайшiй герой этого перiода и Salmasius; въ слѣдующемъ столѣтiи также не потухла любовь къ древности, хотя она все болѣе и болѣе дѣлалась частнымъ призванiемъ, специальною ученостью; въ это время прославились iезуиты: Petav и Sirmond, Gassendi, Valesius, du Fresne, Faber, Anne Dacier, Hardouin, Montfaucon и другie. Но съ осьмнадцатаго столѣтiя пробужденiе народной литературы и возникшiй вмѣстѣ съ нею новый вкусъ, вытѣснили археоманiю и содѣйствовали паденiю схоластики и обширное изученiе греческихъ и римскихъ древностей продолжалось быть занятiемъ только немногихъ; историческое изслѣдованiе и объясненiе древняго мiра наиболее прославили ученыхъ: de Villoison, Letronne, Brunk, Schweighäuser, Boissonade, Coray, Millin, Gosselin.

Ни въ одной странѣ изученiе древностей не имѣло такого непосредственнаго влiянiя на практическую жизнь, какъ въ Англи. Высшiй схоластическiй и преподавательскiй характеръ рѣшительно былъ здѣсь основанъ на чтенiи древнихъ авторовъ, а строгость методы, умеренность предмета изученiя и практическая твердость народа, имѣли то послѣдствiе, что классическiй мiръ составилъ важный элементъ народнаго образованiя. Изученiе древностей у Англичанъ почерпало свою силу въ критикѣ; образъ изученiя древности, историческая метода, даже любовь къ греческой математикѣ болѣе присоединились къ этому, чѣмъ способность толкованiя и литературныя изслѣдованiя. Попытки въ англiйской археологii сдѣлали въ шестнадцатомъ столѣтiи: Stosun, Linacre, Buchanan. О полигисторiи древностей въ семнадцатомъ столѣтiи писали: Bellenden, Selden, Usher, Pearson, Gataker, Stanley, Dodwell, Barnes, Ruddimann. Эпоху составляетъ Bentley, основатель

критики текстовъ. Послѣ него прославились : Davies, Taylor, Markland, Middleton, Wakefield, Poisson (глава школы), Elmsley, Gaisford, Blomfield, Leake, Gell, Dodwell. На ряду съ ними стоятъ : Harris, Gibbon, Gast, Gallies, Mitford, Rennell и другіе. Англійскіе археологи сдѣлали многое въ отдѣльныхъ областяхъ наукъ ; но цѣлаго, яснаго сознанія не послѣдовало изъ практическаго изученія отдѣльныхъ частей.

Въ Испаніи и Португаліи изученію древности содѣйствовали : Vives, Ach. Statius, Ciaccopius, Augustinus, Sanctius ; въ Даніи : Jo. Rhode, Th. Bartholin, Ole Borch, Jo. Gramm, Chr. Falster, Münster, Thorlacius.

Но нигдѣ археологія не имѣла болѣе рачительныхъ собирателей, болѣе заботливыхъ наблюдателей отдѣльныхъ явленій и болѣе обильныхъ собраній древностей, какъ въ Нидерландахъ. Древніе авторы были уже по большей части объяснены, многіе даже исправлены, для многихъ собрано нѣсколько рукописныхъ списковъ, существенныя вспомогательныя средства развиты и приложены къ дѣлу, объ общепонятности заботились съ рѣдкимъ стараніемъ, но не доставало только истинной дипломатической критики, грамматической точности и наблюденій, связи и полноты антикварскихъ познаній и преимущественно внутренняго пониманія древней жизни и духа классическихъ авторовъ. Чтобы вознаграждать эти недостатки и попасть на методическій путь, должно было положить предѣлы изслѣдованіямъ, и нигдѣ такое ограниченное направленіе не могло удался лучше, какъ оно удалось въ Нидерландахъ, гдѣ изученіе древностей введено было Скалигеромъ и его сподвижниками въ Лейденъ. Такъ-какъ Голландцы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, искусства и науки выказали себя умѣренными, прилежными, бережливими, незатѣйливыми, въ преданіяхъ и въ обычаяхъ гражданскихъ твердыми и разсудительными во всемъ существенномъ и доступномъ для ихъ ума ; то они обработали любимый свой отдѣлъ археологіи съ тѣмъ спокойствіемъ, медленностью и ограниченностью, какъ пестушили бы они при упроченіи своего народнаго достоянія. Хотя у появляющихся до исхода шестнадцатаго столѣтія археологовъ Р. Leopardus'a, Canter'овъ, Н. Junius'a и проглядываетъ любовь къ критической, литературной и антикварской дѣятельности и вкусъ, возвышенный Липсіусомъ, однако, строго говоря, изслѣдованія ихъ еще находились на той же степени, на которой вообще стояли у ихъ современниковъ. Даже въ началѣ семнадцатаго столѣтія все еще обнаруживается веселая дѣятельность между голландскими учеными и

государственными людьми, изученіе которыхъ обнимало обширныя области какъ латинской стилистики и грамматики, такъ и самыхъ древностей. Какъ Липсіусъ занимался римскими, такъ Meursius греческими древностями, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ; Гроціусъ, съ творческимъ умомъ своимъ, далъ древности общепринятую новую форму; Г. И. Фоссіусъ, съ тремя сыновьями, былъ основателемъ латинской филологіи въ то время, какъ Салмазіусъ раскрылъ великія богатства существенныхъ изысканій и герменевтики. Но эти историческія и грамматическія занятія мало-по-малу уступили гораздо удобнѣйшему занятію лингвистикою и компиляціямъ, когда И. Фр. Гроновій и Н. Гейнзіусъ ввели критическую технику и соблюденіе латинскихъ формулъ; непрерывный механизмъ, необыкновенная забота о собираніи памятниковъ, которому не могла удовлетворить частная дѣятельность Перинціуса, сдѣлались болѣе общими и распространили любовь къ холодному эмпиризму. Наконецъ, около исхода этого столѣтія изученіе древностей стало дѣломъ призванія, вооруженнымъ сколько многостороннею ученостію, столько и цеховымъ ремесломъ. Въ началъ существованія голландской республики, въ ней утвердилось политическое правило, которое обусловило науки и заключило ихъ въ практическіе предѣлы, вслѣдствіе той мысли, что общественное и духовное блага будутъ этимъ болѣе упрочены, нежели распространены. Исследованиямъ и теоріи не дано было мѣста ни въ философіи, ни въ положительныхъ наукахъ; на ряду съ естественными науками и медициною признавали только богословіе и законовѣдѣніе. Такимъ-образомъ и изученіе древностей было распределено по разнымъ областямъ наукъ. Вся дѣятельность голландскихъ ученыхъ того времени была неестественна, связана и бѣдна идеями; законы методы, какъ сознаніе одушевленнаго цѣлага, сдѣлались неизвѣстными. Склонность къ римскимъ древностямъ имѣла перевѣсъ, и даже самъ Hemsterhuis не могъ доставить греческимъ древностямъ равнаго значенія. Впрочемъ, нѣкоторыя сочиненія того времени превосходны по своему объему и богатству содержанія и составляютъ истинныя кладовыя матеріаловъ для позднѣйшихъ поколѣній. Кромѣ поименованныхъ прославились также: Graevius, Ruck, Almeloveen, Jac. Gronov, L. Voss, и экстремы: Шревель, Мипелли. Въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія появились: П. Бурманъ и вмѣстѣ съ Дракенборхомъ, Оудендорпомъ, Клерикусомъ, Гемстер-

гусомъ и тремя отличнѣйшими учеными изъ послѣдней половины прошлаго столѣтія: Валькеноромъ, Рункеномъ и Виттенбахомъ. Не принадлежавшіе къ школь Гемстергуиса были: Heringa, Burmann 2 и его приверженецъ А. Schultens. Съ паденіемъ республики прекратилось распределение занятій по классамъ, на которыхъ основывалась слава нидерландскихъ археологовъ и перенесенный сюда схематизмъ лишился своего значенія.

Германія весьма рано получила изъ Италіи познанія древнихъ языковъ и писателей и отдаленныя нѣмецкія земли съ теплою восприимчивостью изслѣдовали какъ содержаніе, такъ и классическій образъ выраженія древнихъ авторовъ.

Попытки сдѣланы были въ пятнадцатомъ столѣтіи: Jo. Regiomontanus, Rud. Agricola, Cong. Celtes, Reuchlin и другими; потомъ съ особеннымъ жаромъ дѣйствовалъ Erasmus: явились подлинники вмѣстѣ съ переводами, произведенія въ древнемъ вкусѣ, въ особенности латинскія поэтическія произведенія (Eob. Hessus, Jo. Secundus, P. Lotichius). Впослѣдствіи изученіе древнихъ языковъ было распространено по университетамъ и школамъ.

Кромѣ латинскихъ стилистовъ, выступили на поприще, особенно въ протестантской Германіи, знаменитые критики и комментаторы: Меланхтонъ, Камерарій, Кон. Геснеръ, Г. Фабрицій 1, Казелій, Ксиландеръ, Гер. Вольфъ, Родоманъ, Зильбургъ, Риттергусъ и другіе, также и превосходные учителя древнихъ языковъ, вышедшіе изъ школъ Меланхтона, Иог. Штурма и Камерарія. Блестящая сторона нѣмецкой филологіи того времени есть употребленіе классическаго изученія языковъ для обработки протестантскаго богословія. Но исключительно теологическое направленіе было причиною, что развитіе филологіи отстало отъ быстраго ея хода во Франціи, а въ концѣ шестнадцатаго столѣтія и совсѣмъ остановилось. Естественно, что филологія не была развита какъ наука, и потому не имѣла еще исключительныхъ поборниковъ: она была болѣе вспомогательнымъ знаніемъ богослововъ, и это продолжалось до настоящаго столѣтія. Впрочемъ филологическія занятія такъ глубоко пустили свои корни, что въ семнадцатомъ вѣкѣ не было недостатка въ ученыхъ филологахъ, которые извѣстны также какъ и знаменитые критики, грамматики, антикваріи и латинисты. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Таубманъ, Боррихусъ, Грутеръ, Линденброгъ, Гудіусъ, Бартъ, Френнгеймъ, Шефферъ, Шпангеймъ, Рейнезіусъ, Цел-

ларіусъ, Валлеръ, Форстъ, Бухнеръ, Бальде. Но теологическое направле- ніе и возгорѣвшаяся тридцатилѣтняя война произвели застой въ фило- логіи, и она сдѣлала даже значительный шагъ назадъ.

Состояніе нѣмецкой филологіи было ограниченное и стѣсненное въ семнадцатомъ и въ первой половинѣ осемнадцатаго столѣтія; и сосѣдственные народы далеко опередили Германію, тѣмъ болѣе, что даже даровитые нѣмецкіе филологи, какъ напримѣръ Г. І. Фоссіусъ, Гревіусъ и другіе, оставили свое отечество и переселились въ сосѣд- нія государства. При всемъ томъ, въ началѣ осемнадцатаго столѣтія, подъ вліяніемъ нѣмецкой точности и прилежанія, голландская манера начала тамъ облагороживаться, тогда какъ полигисторъ І. А. Фабри- цій занимался особенно обработкою исторіи литературы. Съ поло- вины осемнадцатаго столѣтія обнаружилась совершенно новыя стре- мленія. Съ одной стороны въ Саксоніи пробудилось грамматическо- критическое изученіе языка, примкнувшее къ англійскому направле- нію; съ другой стороны — новый университетъ въ Геттингенѣ воз- будилъ обширную реальную филологію, и именно то болѣе глубокое антикварное и историческое изученіе, которое по образцу такого же ученія, облагороженного во Франціи и Англии, обратилось отъ простаго собиранія антикварныхъ матеріаловъ къ систематическому ихъ обра- ботыванію. Эта филологія приобрѣла кромѣ того извнѣ еще обширнѣйшее поле для изученія, когда Альбертъ Шультенсъ въ Лейденѣ, незадолго до половины осемнадцатаго столѣтія, перешелъ отъ еврейскаго языка къ изученію всего класса восточныхъ семитическихъ языковъ; это по- слѣднее направленіе вскорѣ было перенесено въ Германію Михаэли- сомъ.

Путь, которымъ слѣдовала голландская филологія и который въ Англии доведенъ до совершеннаго развитія, введенъ въ Германію І. У. Эрнести и И. М. Геснеромъ. Онъ выразилъ это направленіе своимъ из- слѣдованіемъ Цицерона, развивъ изъ него строгую грамматическо-стили- стическую систему языка, которую взялъ ее за правило для стилистиче- скаго удраженія въ латинскомъ языкѣ и для объясненія и очищенія тек- ста писателей, почти оставивъ въ сторонѣ всякое реальное объясненіе. Ограниченно и односторонно продолжали слѣдовать этой методъ Рей- ске и Морусъ Шюцъ, Геттингеръ; глубже постигъ эту методу Рейцъ, и наконецъ, Готфридъ Германъ довелъ ее до высшаго развитія. Эта ме- ода, во вѣншемъ своемъ образованіи, остается почти совершенно сход-

ною съ англійскимъ направлениемъ. Съ половины восемнадцатаго столѣтія наступили особенно благоприятныя обстоятельства для науки древностей. Это было въ то время, когда общество самостоятельныхъ умовъ, основало новѣйшую нѣмецкую литературу, обратилось къ жизни древнихъ народовъ для пользы вѣвѣйшаго образованія и этимъ взаимнымъ сообщениемъ оплодотворило народное стремленіе ко всеобщему образованію. Винкельманъ открылъ область искусства, которую знали до-сихъ-поръ только антикварскимъ образомъ, а вмѣстѣ съ нею открылъ и новую сторону науки древностей, неисчерпаемое сокровище идей. Лессингъ научилъ примѣнять строгое сужденіе и произвольную методу къ произведеніямъ литературы и искусства. Клопштокъ, съ нѣжною воспримчивостію къ формальной сущности языка, руководилъ въ дѣль сближенія нѣмецкаго языка съ греческимъ, что съ величайшимъ успѣхомъ исполнено было Фоссомъ, какъ переводчикомъ. Къ нимъ примкнули, каждый на собственномъ пути и съ отдѣльною самостоятельностью, Гердеръ, Виландъ, Гёте, Шиллеръ. Гёте одинъ умѣлъ воскресить древній геній въ вѣрномъ подражаніи съ полнымъ свѣтомъ и съ надлежащею выразительностію. Въ томъ же духѣ трудился надъ археологическими изысканіями І. Ф. Кристъ.

Наконецъ, возникшія во Франціи и Англии историческія и появившіяся въ Германіи антикварныя изысканія въ области реальной филологіи, рѣзкое отдѣленіе и историческое основаніе факультетскихъ предметовъ, возвышавшееся изученіе исторіи и географіи, приведенная Баумгартеномъ въ систему эстетика; критическо-эстетическія стремленія судей искусства, начиная съ Конрада Менкена до Лессинга и Николаи; основанный Винкельманомъ образъ изученія древняго искусства — все это найдено было существеннѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для такого направленія. Гейне первый ясно выразилъ это направленіе, пытаясь разрозненные реальные матеріалы (то-есть, пріобрѣтенное отъ древнихъ собраніе мѣологическихъ, историческихъ и литературныхъ знаній), представить въ связи между собою и употребилъ для всесторонняго изясненія писателей. Не отличаясь самъ точностью обработки, грамматическими изслѣдованіями и очищеніемъ матеріаловъ, онъ указалъ, однакожъ, многіе источники «прекраснаго». Мейнерсъ, Тидеманъ, Гееренъ, Шнейдеръ, Якобсъ, Бекманъ, Бѣттигеръ, Гушке, Мичерлихъ; Манзо Матіе и другіе старались о дальнѣйшемъ развитіи и обла-

гороженіи этого направленія; они внесли много глубокихъ изслѣдованій при употребленіи матеріала, и примѣнили его съ болѣею многосторонностію къ объясненію писателей и къ антикварнымъ изысканіямъ всякаго рода. I. Г. Фоссъ, въ своихъ изысканіяхъ, преслѣдуя этотъ реальный матеріалъ, держался строго хронологическаго порядка въ-ковъ и писателей; а Фр. Якоби представилъ свое изслѣдованіе въ картинахъ политическаго, нравственнаго, религіознаго и другихъ состояній древней жизни и общаго греко-римскаго воззрѣнія на міръ.

Ф. А. Вольфъ, принявшій въ свои сочиненія и въ свое ученіе результатъ встрѣчающихся разнообразныхъ явленій, и преимущественно старавшійся изслѣдовать древнія формы, соединилъ все съ существовавшія до-тѣхъ-поръ знанія въ одинъ стройный организмъ и основалъ то, что пытался произвести Гейне — науку древностей. По его изложенію вся она распадается на 24 науки, которыя составляютъ 4 группы: 1) грамматическія изученія (философская, греческая, латинская грамматика); 2) критическая риторика (герменевтика, критика, прозаическая и метрическая композиція); 3) исторія Грековъ и Римлянъ съ ея вспомогательными науками (географіею и уранографіею), древнею всеобщею исторіею, хронологіею и историческою критикою; греческими и римскими древностями, домашними и общественными; міеологіею обоихъ народовъ; исторіею греческой и римской литературы; исторіею искусства и науки краснорѣчія у Грековъ и Римлянъ, мимическими искусствами; 4) собственная археологія или изученіе древностей (извѣстія о сохранившихся памятникахъ искусствъ древнихъ народовъ, наука археологіи искусства; исторія искусствъ и художествъ, исторія архитектуры, нумизматики, эпиграфики). Последняя (24) часть заключаетъ въ себя исторію филологической и археологической литературы и библиографіи*.

Онъ положилъ главною цѣлью своей наукъ древностей — служить всестороннимъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ познанію древняго

* См. Вольфа: «Энциклопедія филологіи», изданная по его лекціямъ, Штокманомъ. Лейпц., 1830, его лекціи о «Alterthumswissenschaft», изданныя Гриммеромъ, Лейпц. 1831. 5 том. Другими изслѣдователями матеріалы эти распределены иначе: Bernhardt, «Grundlinien der Encyclopädie der Philologie». Галле, 1832. — Hoffmann, «Die Alterthumswissenschaft für Gymnasiaster und Studierende», Лейпцигъ, 1835. Matthäi, Schaaff и другіе.

міра и къ усвоенію древнихъ литературъ по формѣ и по содержанию. Такимъ-образомъ наука древностей должна помогать намъ дойти до полного сознанія древностей чловѣка, то-есть раскрыть всю его дѣятельность въ духовномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, съдовательно вполне постигнуть греческую и римскую національности. Для основанія этого новаго, лучшаго, формально-реальнаго объясненія писателей, Вольфъ много трудился, стараясь ввести болѣе строгую критику какъ высшую, такъ и низшую, и прекрасное начало тому положилъ своими глубокомысленными изслѣдованіями Гомера.

Сколько онъ содѣйствовалъ усовершенствованію этой всеобщей науки, это показали ученики его, Гейндорфъ, Шпальдингъ и другіе, въ особенности же Имм. Беккеръ. Последний, кромѣ другихъ заслугъ въ греческой грамматикѣ и въ греческомъ языкѣ, оказалъ въ особенности великую услугу тѣмъ, что вызвалъ болѣе чистое и совершенное обработываніе такъ называемой дипломатической критики текстовъ древнихъ писателей: онъ вызвалъ то критическое стремленіе, въ которомъ, для вѣрнаго и дѣйствительнаго возстановленія и улучшенія текста, принимается за основаніе точное и всестороннее сравненіе всѣхъ имѣющихся рукописей, ихъ очищеніе и раздѣленіе на извѣстные разряды. Отступленіе отъ текста подлинныхъ рукописей (оригиналовъ) Беккеръ считалъ позволительнымъ только тогда, когда того требуютъ грамматика, логика или преобладающее употребленіе (usus) языка. Но онъ не придавалъ той важности критикѣ однихъ чувствъ или одного вкуса, какую признавали голландскіе, англійскіе критики и школа Германа. Шпонъ, Лерсъ и другіе сочли необходимымъ для полноты этой дипломатической критики, кромѣ изученія рукописей, еще тщательное и обширное изученіе грамматиковъ и схоластиковъ. Другіе же, напримѣръ Орелли и Лахманъ, дали ей одностороннее направленіе, при которомъ возстановленіе подлиннаго текста производилось нѣкоторымъ образомъ легче; а это позволяло безъ дальнихъ разсужденій отвергать прочіе дипломатическіе источники.

Въ одно время съ Вольфомъ, но независимо отъ его школы, хотя и подобнымъ образомъ, началъ Крейцеръ свои обширныя археологическія и въ особенности міеологическія изысканія въ области религій древнихъ народовъ. Крейцеръ развилъ явную противоположность изслѣдованіямъ Фосса. Вскорѣ, непосредственно послѣ него, выступилъ Августъ Бёккъ (Aug. Böckh), принадлежавшій къ Вольфовой школѣ и

дѣйствовавшій въ его духъ. Этотъ послѣдній ввелъ глубокое историческое изслѣдованіе въ изученіе « греческихъ древностей », и тѣмъ самымъ подаль Нибуру поводъ къ введенію исторической критики. Всестороннія изслѣдованія Бѣкка и его учениковъ были потомъ перенесены съ греческихъ древностей и на римскія; они распались на множество частныхъ направленій реальныхъ ученій, какъ напримѣръ, на древнюю исторію и географію съ ея различными отраслями, на государственное право, государственныя учрежденія, уголовные законы, частный бытъ гражданъ; міеологию, археологию, эпиграфику, нумизматику и прочая. Вообще это изслѣдованіе достигло теперь высшей систематической обработки « наука древностей ». Но не смотря на свои удивительные успѣхи, наука древностей еще далека отъ совершенства.

Большіе перевороты, которые въ продолженіе двухъ десятилѣтій потрясли въ Германіи почти всѣ области знанія и учености, или подвергли ихъ различнымъ перемѣнамъ, имѣли вліяніе и на науку древностей. Римское Право изслѣдовано было по источникамъ, историческая критика получила, по своему истинному пространству и своей проницательности, обширный вѣсъ. На этомъ поприщѣ ознаменовались вообще Савиньи, Мейеръ, Нибуръ, Бекъ, Ваксмуть; О. Миллеръ и другіе.

Къ изслѣдованіямъ послѣднихъ присоединились еще безчисленные выводы сравнительной филологіи (Германъ, Бутманъ, Шеферъ, Лобекъ, Тиршъ) и стремленіе понять, обсудить и привести къ разумному единству всѣ письменные памятники въ смыслъ произведеній искусства, съ другой стороны усердное стремленіе постигнуть древность во всей ея нравственной глубинѣ и слить прошедшее съ настоящимъ (Ницшъ, Гегель). Отъ этого двойнаго направленія ко вѣщному и внутреннему организму дрезняго міра, наука древности получила самыя дѣльныя пополненія. Въ настоящее время ученые заняты образованіемъ лучшей методикі и обработкою специальныхъ частей; въ цѣлости же теперь менѣе является произведеній, чѣмъ являлось въ послѣдніе десять лѣтъ.

II.

Подъ археологію, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣютъ изученіе древнихъ памятниковъ, въ противоположность филологіи, главнѣйшій пред-

метъ которой изученіе памятниковъ письменныхъ. Многіе извѣстнѣйшіе ученые не допускали такого раздѣленія, и въ-самомъ-дѣль, объ эти отрасли получаютъ истинное значеніе и настоящую цѣну только въ наукѣ, объемлющей изученіе древностей вообще; но ограниченность человѣческихъ способностей и силъ и необъятность открытыхъ матеріаловъ необходимо требуютъ такого раздѣленія. Рѣдкому филологу достанетъ времени заняться важными археологическими открытіями и рѣдкій археологъ имѣетъ возможность слѣдить за филологическими изслѣдованіями, хотя для него они еще болѣе необходимы. Не говоря уже о врожденной склонности къ той или другой наукѣ, самый образъ жизни неразлученъ съ изученіемъ той или другой науки и не позволяетъ въ равной мѣрѣ заниматься обѣими вдругъ.

Археологъ большую часть своихъ лучшихъ годовъ долженъ посвятить кабинетной жизни. Предметы, его занимающіе, требуютъ личныхъ наблюденій, независимаго взгляда, который пріобрѣтается долгимъ изученіемъ извѣстныхъ уже памятниковъ, изслѣдованіемъ новыхъ и безпрестанными усиліями достигнуть той вѣрности въ сравненіяхъ, безъ которой эта наука останется безыскуснымъ изученіемъ отдѣльныхъ частей, въ чемъ ее такъ часто и такъ справедливо упрекаютъ. Филологи нашли еще для изученія своего предмета другую методу, придуманную въ концѣ прошлаго вѣка и получившую новое значеніе въ последнее двадцатилѣтіе текущаго столѣтія. Весьмъ извѣстно, что Винкельманъ далъ археологіи совершенно новый видъ, новую органическую жизнь. Хотя онъ имѣлъ въ виду пользу археологіи вообще, однакожь преобладающая склонность его къ скульптурнымъ памятникамъ заставила его обратить на нихъ особенное вниманіе. Кромѣ того онъ оставилъ свои археологическія занятія на половинѣ проложеннаго имъ пути, и потому не успѣлъ подвинуть археологію на столько, чтобы менѣе талантливые ученые могли дѣлать новыя открытія или дойти до положительныхъ фактовъ. Выгода ясной классификаціи вполне обнаружилась при изученіи нумизматики, а именно въ обширномъ сочиненіи Экеля о монетахъ, и при изученіи эпиграфики въ монографіи объ арвальскихъ братьяхъ Гаetano Марини. Оба эти сочиненія должны считаться прочнѣйшими основаніями обѣихъ отраслей археологіи. Труды Винкельмана продолжалъ Висконти, который, при своемъ остроуміи и многосторонней опытности, имѣлъ сверхъ того самый изящный вкусъ. Обомъ имъ противостоялъ человекъ съ совер-

ленно инымъ направлениемъ и превосходившій ихъ обоихъ, если не остроуміемъ и тонкостью суждений, то многосторонностью археологическихъ изслѣдованій и истинно изумительною ученостію. Это былъ знаменитый Датчанинъ Цэга; онъ оставилъ три сочиненія, которыя распространили и обогатили археологію, опредѣливъ границы ея съ такою точностью, какою могутъ похвалиться однѣ положительныя науки. Достойный ученикъ Цэги, Велькеръ, уважаемый не только въ филологіи, но и въ археологіи, напоминаетъ своими многочисленными необыкновенно ученными сочиненіями энтузіазмъ Винкельмана и изслѣдованія Цэги. Послѣ него надобно упомянуть о Гергардѣ, который основалъ, въ Римѣ, археологическій институтъ, и такъ оживилъ изученіе археологіи, что его можно считать первымъ, познакомившимъ публику съ общою археологіею посредствомъ годовичныхъ ученыхъ обзорнѣй, помѣщаемыхъ въ «*Bulleteni*». Онъ также старался побудить археологовъ къ изслѣдованіямъ, которыя стремились бы къ одной цѣли. Отъ археологовъ-спеціалистовъ надобно отличать тѣхъ ученыхъ, которые хотя и занимались археологическими изслѣдованіями, и даже можетъ-быть съ большимъ успѣхомъ и пользою, нежели первые, но при этомъ держались понятій и методы, болѣе напоминающихъ любителей, нежели дѣйствительныхъ ученыхъ.

При исчисленіи всѣхъ наукъ, которыя, въ настоящее время, входятъ въ составъ археологіи, мы начнемъ не съ художественныхъ и другихъ памятниковъ, а съ болѣе важной (генетической, основной) ея части, то-есть съ исторіи археологическихъ открытій, которая, представляя вездѣ мѣстныя средоточія, переходитъ въ общую топографію памятниковъ, а потомъ пополняется весьма тѣсно связанною съ нею музеографіею.

1. Топографія или изученіе мѣстности памятниковъ. — Подъ этою отраслью археологіи обыкновенно разумѣютъ отнюдь не спеціальное географическое изслѣдованіе, но такое распредѣленіе болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ памятниковъ древности, которое наиболее сообразно съ духомъ и цѣлью археологіи. Конечно, для подобнаго распредѣленія еще многого не достаетъ: необходимыя для того матеріалы сокрыты еще въ частной исторіи государствъ и въ другихъ монографіяхъ, такъ-что критическій разборъ точныхъ фактовъ, помогающихъ археологіи, былъ бы очень труденъ, но за то онъ принесъ бы большую пользу. Удобнѣе всего было бы слѣдовать

при такомъ разборѣ географической системѣ, принятой для нумизматики. Отъ топографіи памятниковъ и музеографіи существенно отличается, по плану и цѣли, географія древнихъ художественныхъ памятниковъ, помѣщенная К. О. Мюллеромъ, въ его «Руководствѣ къ археологіи искусства». Эта географія написана не съ ученою, а съ чисто-практическою и пропедевтическою (приготовительною) цѣлью. Мюллеръ не обнаруживаетъ, въ этой части своего труда, ни малѣйшаго притязанія на ученость, но мы думаемъ, напротивъ, что если бы его система распрежденія памятниковъ была составлена критически и съ большими средствами — она была бы важнѣйшимъ основаніемъ для археологіи, потому-что Мюллеръ нашелъ наилучшій способъ дѣльно и ясно распределять многочисленныя археологическія матеріалы, и притомъ допустилъ множество подробностей, необходимыхъ для дальнѣйшихъ изысканій.

Многіе утверждаютъ, что подобная система не должна быть допускаема въ науку, такъ-какъ она не можетъ существовать безъ помощи многихъ вспомогательныхъ свѣдѣній; но это возраженіе кажется намъ неумѣстнымъ, потому-что, въ такомъ случаѣ, не могла бы существовать ни одна наука: для каждой изъ нихъ необходимы предварительныя и вспомогательныя познанія. Само собою разумѣется, что археологіею можетъ заниматься только тотъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ древностью; кромѣ того онъ долженъ смотрѣть на всѣ памятники вообще, и на тѣ, которыми онъ занимается спеціально, съ наиболее независимой, то-есть прямой точки зрѣнія, и дѣлать по нимъ только непосредственныя заключенія, которыя бы могли быть подтверждены этими памятниками. Только такимъ образомъ можемъ мы достигнуть до яснаго познанія того, что намъ известно, и того, чего нельзя понять безъ посторонней помощи, и это единственное средство привести разнородныя памятники въ ученый и систематическій порядокъ, сообразный съ ихъ внутреннимъ значеніемъ. Если бы всѣ изслѣдователи руководствовались подобными правилами, тогда топографія памятниковъ доставляла бы результаты, совершенно противоположныя тѣмъ, какіе намъ нерѣдко случается получать теперъ. Быть-можетъ, пройдетъ еще много времени, пока мы будемъ въ состояніи сказать съ достовѣрностью, что имѣемъ опредѣленное понятіе о древнихъ памятникахъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время, сдѣлано многое для этой цѣли, и составленіе ката-

логовъ важнѣйшихъ музеевъ принесло большую пользу. Въ этомъ отношеніи замѣчательны послѣ трудовъ Висконти (Museo io Clementino и Musée Napoléon), труды Гергарда, который съ помощью Платнера привелъ въ порядокъ ватиканскій музей и описалъ неаполитанское и берлинское археологическія собранія. О нумизматической статистикѣ писали Сестини и Мюнне. Матеріалы для полнаго реестра античныхъ рѣзныхъ камней хранятся въ кадисскомъ собраніи. Изученіе вазъ значительно облегчается безпрестанными отрывками, каталогами дурандскаго музея и собранія принца Канино, написанными де-Виттомъ, и въ особенности прекраснымъ сочиненіемъ Гергарда: «Rapporto intorno i vasi volcenti» (Римъ, 1831). Впрочемъ описаніе этого рода памятниковъ, чрезвычайно важныхъ для археологіи вообще, уже прежде было составлено, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, римскимъ археологическимъ институтомъ.

II. Роды памятниковъ. Слѣдую правилу: Monumentum artis, qui unum vidit, nullum vidit, qui mille vidit, unum vidit (то-есть, кто видѣлъ одинъ памятникъ искусства, тотъ не видѣлъ ни одного, а кто видѣлъ ихъ тысячу, тотъ видѣлъ только одинъ), мы полагаемъ, что для занятій археологіею необходимо, прежде всего, уметь отнести каждый памятникъ именно къ тому роду, къ которому онъ принадлежитъ, а потому мы и займемся сначала исчисленіемъ всѣхъ родовъ памятниковъ.

1. *Архитектура.* Сюда относятся памятники религіозные, гражданскіе, военные, надгробные и такъ далѣе, какъ-то: стѣны, дома, храмы, колонны, обелиски, театры, гробницы, общественныя дороги и прочая. Въ новѣйшее время архитектурныя памятники подверглись многостороннему и основательному изученію. Самый предметъ былъ причиною того, что имъ стали заниматься почти исключительно ученые по ремеслу, что рѣдко встрѣчается при изслѣдованіи памятниковъ другаго рода. Любители находятъ важное препятствіе въ ученomъ языкѣ, принятомъ со временъ Витрувія. Къ тому же изображенія и измѣренія, обыкновенно прилагаемыя при подобныхъ сочиненіяхъ, не допускаютъ ни малѣйшей неточности. Чтобы начать съ памятниковъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ глубочайшей древности, ученые обратили, въ новѣйшее время, особенное вниманіе на изученіе тѣхъ многоугольныхъ стѣнъ, которыя Павзаній называетъ

Горы. Алабейскій

ОБЛАСТНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

БИБЛИОТЕКА

1872

циклопическими. При этомъ особенно важны услуги, оказанныя наукѣ Додуэллемъ, Вил. Геллемъ (ум. 16 января 1836) и римскимъ археологическимъ институтомъ. Развалины греческихъ храмовъ также были неоднократно изучаемы новѣйшими путешественниками. Замѣчательно также Гитторфово сочиненіе о сицилійскихъ архитектурныхъ памятникахъ, къ которому имѣеть нѣкоторое отношеніе составленное герцогомъ Серрадифалько описаніе всѣхъ художественныхъ памятниковъ его отечества. Въ Италіи обращаютъ на себя вниманіе попытки отрыть остатки Помпей и римскаго форума; при изученіи первыхъ могутъ служить пособіемъ снимки съ помпейскихъ фресковъ, изданные Цаномъ; для изученія послѣдняго важны труды Нибби, князя Канино и Бунзена. Послѣдній отличается отъ своихъ собратій нѣмецкимъ ученіемъ образованіемъ и помощію, которою онъ пользовался со стороны нѣмецкихъ архитекторовъ, но все же онъ не можетъ сравниться съ Итальянцами, которые какъ-бы по врожденному чувству смотрять на древнія развалины съ болѣе практической точки зрѣнія. Въ этомъ случаѣ ничто не можетъ быть вреднѣе бессознательной систематики, выведенной изъ литературныхъ сочиненій.

2. *Скульптура*. Сюда относятся: а) *статуи* и б) *бюсты*. Такъ-какъ этого рода памятниками занимались гораздо чаще, нежели другими, то изслѣдованія Винкельмана по этому предмету и труды Висконти повели къ важнымъ заключеніямъ. Послѣдній изъ нихъ имѣлъ случай, при изданіи «Museo Pio Clementino», обнародовать такое множество этихъ драгоценныхъ остатковъ древняго искусства, что послѣдующія открытія служатъ только дополненіями къ его труду. Такъ-какъ этому, счастливѣйшему изъ археологовъ, суждено было разобрать и описать огромную античную коллекцію, составленную Наполеономъ, то имя его и останется навсегда важнымъ въ исторіи скульптурныхъ изслѣдованій. Пространѣйшимъ сочиненіемъ по этой части считается «Musée Bourbon», и хотя текстъ написанъ не самимъ Висконти, тѣмъ не менѣе онъ доставилъ для него самыя существенныя факты. Въ такомъ же родѣ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, написанъ «Musée de sculpture», графа Кларка. Какъ трудно, въ наше время, обогатить этотъ родъ памятниковъ новыми открытіями, можно судить по тому, что римскій археологическій институтъ, въ продолженіе осьмилѣтняго своего существованія, только однажды имѣлъ случай говорить, въ своихъ запискахъ, о вновь отрытыхъ статуяхъ. Надобно однако сказать,

что въ новѣйшее время открыто и объяснено множество такихъ памятниковъ, которые одни уже въ состояніи дать настоящее понятіе о высокомъ развитіи скульптуры у древнихъ.

Такъ, напримѣръ, лордъ Эльгинъ познакомилъ Европу со статуями, украшавшими фронтонъ Пареевона и дающими намъ понятіе объ искусствѣ Фидія, и съ эгинскими группами, съ которыми такъ тѣсно связано имя Іоганна Мартина Вагнера, отличнаго знатока древней пластики, замѣчательнаго глубокою ученостью и мѣткостью сужденій. Онъ упрочилъ не только за королемъ Баваріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за всею Германіею, обладаніе этими единственными произведеніями искусства, и сверхъ-того надзиралъ, самымъ тщательнымъ образомъ, за возстановленіемъ многочисленныхъ обломковъ и первый сообщилъ основательныя свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ. Къ этому надобно прибавить еще Милосскую Венеру, которая нѣсколько объясняетъ состояніе искусства послѣ Фидія. Изъ изслѣдованій, объясняющихъ состояніе искусства Римлянъ и цвѣтущихъ временъ Греціи, конечно, самое удачное, принадлежитъ Іоганну Мартину Вагнеру, по поводу превосходныхъ монтекавальскихъ статуй, имъ же описанныхъ и приведенныхъ въ извѣстность. Результаты его изслѣдованій не только не поддерживаютъ ложнаго взгляда на исторію искусствъ, но, напротивъ, фактически уничтожаютъ мнѣнія тѣхъ, которые ставятъ произведенія Римлянъ на одну высоту съ произведеніями Фидія.

с) *Барельефы*. О памятникахъ этого рода писали Вичкельманъ и Цэга. Первый извлекъ ихъ изъ забвенія, а второй началъ описывать ихъ въ монографіи, очень замѣчательной въ то время. Его неподражаемое сочиненіе «*Bassirilievi antichi*» etc., состоитъ по большей части изъ описанія вилла-альбанскаго музея, котораго главное богатство и нынѣ состоитъ въ подобныхъ памятникахъ. Снимки сдѣланы такимъ искуснымъ художникомъ, что до-сихъ-поръ никто еще не сравнился съ нимъ въ вѣрности и отчетливости рисунка; объясненія свидѣтельствуютъ о необыкновенной учености, а необходимыя сравненія предложенныхъ изображеній въ первый разъ приведены въ последовательную систему; недостатку собственной его опытности въ сужденіи объ искусствѣ помогало то отношеніе, въ которомъ онъ находился къ своему соотечественнику, Торвальдсену. Это сочиненіе, предпринятое при

самых неблагоприятных обстоятельствах, с какими только может встретиться стремление к археологическим трудам, должно однако же считаться основой новейшей археологии, потому что, без сомнения, в ней сделаны большие успехи со времени Висконти до Цэги. Предположения, развитыя Цэгою, были признаны Велькеромъ и Гергардомъ, и отъ послѣдняго тогда уже можно было ожидать обширнѣйшихъ изслѣдованій, которымъ основаніе онъ положилъ своимъ сочиненіемъ: «Древнія, до-сихъ-поръ неизвѣстныя статуи.» Къ важнѣйшимъ открытіямъ по этой части принадлежатъ метопы и фризы, изъ Парѳенона и изъ храма Аполлона Фигалейскаго, и олимпійскія произведенія. Множество другихъ рельефныхъ изображеній, по большой части только остатковъ античныхъ композицій, не могутъ сравниться съ этими произведеніями въ эстетическомъ достоинствѣ. Для подробной исторіи искусства важны, однако же, метопы, найденныя въ развалинахъ Селиноса и описанныя Серрадифалько.

3) *Камни.* Мы упоминаемъ о нихъ здѣсь потому, что они имѣютъ большое сходство съ рельефами, хотя, конечно, это сходство только наружное. Изображенія, представленныя на тѣхъ и другихъ, часто очень различны, и потому ихъ надобно разсматривать особо, при чемъ необходима археологическая критика, потому что въ статуяхъ достаточно отмѣчать только новѣйшія прибавленія и передѣлки, между тѣмъ какъ въ камняхъ случаются цѣлыя поддѣльныя коллекціи. Все, что до-сихъ-поръ сдѣлано по этой части, ограничивается, по настоящему, однимъ Винкельмановымъ каталогомъ штошской коллекціи; все лучшее въ Расповомъ тассійскомъ каталогѣ взято оттуда, а на все другія заключенія, приведенныя въ этомъ сочиненіи, надобно смотреть какъ на самыя грубыя заблужденія. Такъ называемыя дактилютеки содержатъ въ себѣ обыкновенно плохіе слѣпки и болѣе ошибокъ, нежели правды; рисунки, по большей части, сдѣланы дурно и, съ малыми исключеніями, невѣрны. Въ этомъ случаѣ особенную похвалу заслуживаетъ римскій рыцарь, Томмазо Кадесъ, который рѣшился исправить свою коллекцію, состоящую изъ пяти-тысячъ тщательно и со вкусомъ сдѣланныхъ слѣпковъ; стараясь очистить ее отъ поддѣлокъ, онъ въ то же время обогащаетъ ее новыми пріобрѣтеніями. Только продолжительными и постоянными трудами достигъ онъ наконецъ того, что собралъ до четырехъ-сотъ этрусскихъ камесей, изъ которыхъ, лѣтъ двадцать-пять тому, было извѣстно не болѣе сотни. Желатель-

но, чтобы римскій археологическій институтъ обратилъ болѣе вниманія на этотъ предметъ. Конечно, ученое объясненіе такихъ памятниковъ часто бываетъ очень затруднительно, и поневолю надобно ограничиться помѣщеніемъ новаго открытія въ тотъ или другой разрядъ, означенный Винкельманомъ. Вообще говоря, изученіе камеевъ можно назвать полемъ не только не воздѣланнымъ, но даже испорченнымъ ложною экономіей.

4. *Терракотты*. Послѣ камеевъ приличнѣ всего упомянуть о монетахъ, но мы боимся слишкомъ отдалить произведенія изъ жженой глины отъ мраморныхъ произведеній и отдѣлить монеты отъ эпиграфическихъ памятниковъ, съ которыми они какъ будто срослись. Терракотты принадлежатъ къ остроумнѣйшимъ произведеніямъ древняго искусства. Мягкости матеріала мы обязаны тѣмъ, что видимъ на этихъ памятникахъ отпечатокъ руки художника такъ же ясно, какъ слѣдъ звѣря на сырой землѣ. Декоративное назначеніе этихъ памятниковъ заставляетъ насъ быть очень осторожными при объясненіи ихъ; иначе очень легко вывести ложное заключеніе изъ подобныхъ плодовъ художественной фантазіи. Мифологія обогатилась нѣсколькими существенными открытіями вслѣдствіе тѣхъ прекрасныхъ гробничныхъ фризъ, на которыхъ встрѣчаются Снаряженію корабля Арго, узванный Одиссей и прочая; но, по болѣе части, терракотты доставляютъ намъ болѣе изображеній изъ ежедневной жизни, что также очень важно, и на что еще не обратили должнаго вниманія. Кромѣ Аженкурова: «Recueil de fragments de sculpture antique en terre cuite», и тѣхъ частей британскаго музея, которыя заключаютъ въ себя такіе же памятники, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ; а заняться подобною монографіею было бы тѣмъ легче, что для нея не нужно почти никакихъ постороннихъ изслѣдованій.

5. *Вазы и другіе остатки древней живописи*. Матеріаль, изъ котораго сдѣланы расписанные античныя вазы, заставляетъ насъ упомянуть о нихъ послѣ терракоттъ. Вазы и фрески, конечно, даютъ только неполное понятіе объ античной живописи, но все же послѣднія гораздо слабѣ остроумныхъ и незатѣйливыхъ рисунковъ, которые мы видимъ на вазахъ. Изученіе ихъ началось только въ прошломъ столѣтіи. Пассери и д'Анварвилль сообщили о нихъ первыя

извѣстія, Винкельманъ упомянулъ о нихъ съ свойственною ему про-
 ницательностью, а потомъ надъ ними трудились Гамильтонъ, какъ со-
 биратель, и Тинбейнъ, какъ художникъ. Върнѣйшій способъ объясне-
 нія ихъ введенъ Миллингеномъ, который оказалъ археологій суще-
 ственныя услуги описаніемъ вазъ, хранящихся въ разныхъ коллекціяхъ
 и въ особенности своимъ сочиненіемъ: «*Monumens antiques inédits*».
 Труды этого ученаго проникнуты тою тонкою археологическою кри-
 тикой, къ которой онъ былъ способенъ болѣе, нежели кто-либо изъ
 нсвѣйшихъ археологовъ. При всемъ томъ, не смотря на умноже-
 ніе матеріаловъ, изслѣдованія эти не повели бы, можетъ-быть и до
 нашего времени, ни къ чему важному, если бы случайное откры-
 тіе некрополиса въ Вульчи не сдѣлало важнаго переворота, не только
 въ изученіи вазъ, но и въ самой археологій. Это открытіе, сдѣланное
 въ 1827—1828 годахъ, можетъ быть вполне сравнено съ открытіемъ
 Геркулана и Помпеи. Число найденныхъ тамъ расписанныхъ гли-
 няныхъ вазъ такъ велико, что одному едва можно пересчитать ихъ.
 Не смотря на то, однако же, Гергарду удалось собрать большую часть
 рисунковъ новооткрытыхъ вазъ, и онъ въ своемъ сочиненіи «*Rapporto
 intorno vasi volcenti*» сообщаетъ такое ясное и подробное извѣстіе о
 всѣхъ родахъ этихъ вазъ, что даже и позднѣйшія открытія и разы-
 сканія (напримѣръ въ Керчи) весьма мало къ нему прибавили.
 Послѣ того онъ опредѣлилъ, съ удивительною догадливостію и прак-
 тическимъ умомъ, значеніе каждаго разряда, каждаго стиля и ка-
 ждой формы ихъ въ исторіи искуства. Онъ находитъ сходство ме-
 жду вазами и разными родами греческой поэзіи, доказывая, что хо-
 тя они и развились постепенно, одинъ за другимъ, но въ-послед-
 ствіи встрѣчались все вмѣстѣ какъ условныя формы. Онъ пред-
 полагаетъ, что выборъ красныхъ или черныхъ фигуръ имѣлъ
 особенное отношеніе къ изображаемому предмету, и что онъ, въ
 свою очередь, имѣлъ вліяніе на выборъ формы сосуда; напримѣръ
 для изображенія гидрофоръ избирались гидрии, для вакхическихъ сю-
 жетовъ — амфоры. Обстоятельство, что эти вазы, изображающія
 греческіе мифы и обнаруживающія греческую работу, найдены въ
 этрусскихъ гробницахъ, подало поводъ извѣстѣйшимъ археологамъ
 дѣлать различныя догадки объ ихъ происхожденіи. Надобно сказать,
 что Гергардъ съ большою осторожностью занимался этимъ вопро-
 сомъ; другіе не знали факта, на который бы могли твердо опе-

реться, а именно, что вульченскія вазы однородны съ вазами Греции, Сициліи и Великой Греции. Результаты этихъ изслѣдованій больше или меньше неполны и неудачны; самый же общій и самый сухой выводъ, который только можно сдѣлать, былъ бы тотъ, что эти вазы распространились посредствомъ торговли, какъ въ наше время китайскій фарфоръ. Въ такомъ случаѣ надобно было бы принять, что однѣ аѳинскія и коринтскія фабрики приготовляли эти вазы, и исторія ихъ сдѣлалась бы исторіею древней торговли, но мы считаемъ это мнѣніе неосновательнымъ. Кромѣ стілія рисунковъ и искусства отдѣлки, о разной національности или, по-крайней-мѣрѣ, о разномъ художественномъ преданіи свидѣтельствуетъ различный кругъ изображеній, встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ, и различная манера изображенія однихъ и тѣхъ же предметовъ. Впрочемъ, никто еще не изслѣдовалъ подробно значенія изображеній, можетъ-быть потому, что это очень трудно, такъ-какъ намъ извѣстна только малая часть рисунковъ найденныхъ вазъ. При этомъ почти всегда дѣлали поверхностныя заключенія; между-тѣмъ здѣсь, какъ и при изученіи языка, необходима грамматическая точность. Но это фактъ, что драгоценная ваза, найденная въ Аѳинахъ и описанная Миллингеномъ, кажется существенно отличается отъ вазъ, найденныхъ въ Поль, Сициліи и Вульчи. Костюмъ возницы на аѳинской вазѣ совершенно оригиналенъ и вовсе не встрѣчается на вазахъ, открытыхъ въ Италіи. Нельзя сравнивать отдѣлки вазы съ архаическими надписями, найденной Додуэлемъ близъ Коринѳа, съ отдѣлкою вазъ, открытыхъ близъ Черветри, хотя по формѣ и изображеніямъ онѣ принадлежатъ къ одному разряду. Наконецъ, положительнымъ доказательствомъ здѣсь можетъ служить и то, что фрески, найденныя въ некрополяхъ Тарквинія и Вульчи не только по стилю и рисунку, но и по изображенію совершенно сродны вазамъ. Обстоятельство, что рисунки многихъ вазъ, повидимому, скопированы съ гробничныхъ фресковъ, даетъ поводъ думать, что этрусскимъ художникамъ знакомы были греческая живопись и греческіе обычаи и миѳы. Нѣкоторые изъ такихъ гробничныхъ фресковъ замѣчательнѣе всѣхъ помпейскихъ и геркуланскихъ. Послѣднія часто нарисованы смѣлѣе, но за-то не такъ оконченны и какъ будто сдѣланы не художникомъ, а ремесленникомъ.

Античныя фрески, геркуланскія и помпейскія, были уже въ прошломъ столѣтіи довольно хорошо изслѣдованы. Museo Borbonico во-

возобновили нынче изученіе ихъ, но безъ большого успѣха. Число извѣстныхъ изображеній увеличилось нѣсколькими новыми картинами, напримеръ: «Бракомъ Кроноса съ Реєю». Въ новѣйшее время перестали придавать этимъ остаткамъ преувеличенную важность, и теперь уже отличаютъ произведенія, принадлежащія древнему искусству вообще отъ отдѣльныхъ памятниковъ второстепенной важности. Только недавно стали обращать вниманіе на мѣстное достоинство античныхъ картинъ. Летропъ и Рауль-Рошетъ съ разныхъ сторонъ подробно разобрали, всѣ мѣста древнихъ писателей, въ которыхъ они упоминаютъ объ этой отрасли искусства. Къ сожалѣнію, число памятниковъ еще слишкомъ недостаточно, а извѣстія древнихъ слишкомъ темны и неопредѣленны, чтобы, основываясь на нихъ, можно было сдѣлать какія-либо положительныя выводы. Въ настоящемъ положеніи дѣла мнѣнія зависятъ отъ взгляда на предметъ, и всѣ усилія ведутъ только къ отысканію вѣроятностей, подкрѣпляемыхъ приличными примѣрами и аналогіею. Исключительное мнѣніе того или другаго ученаго уже и потому кажется подозрительнымъ, что древность вообще подробно и гениально обсужена со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно и здѣсь наибольшую пользу можетъ принести изслѣдованіе незначительныхъ и разсѣянныхъ памятниковъ, и они только могутъ подвинуть впередъ и увеличить извѣстія о древнихъ. Хотя до насъ дошло очень мало замѣчательныхъ мозаикъ, но все же мы обязаны имъ высшими понятіями о древней живописи. Значительнѣйшая изъ такихъ работъ есть, безспорно, найденная въ Помпѣяхъ битва Александра, представляющая намъ такую искусную композицію, безъ которой бы мы не имѣли, ни малѣйшаго понятія о древней мозаикѣ. Прочія мозаики по большей части болѣе декоративны, но они даютъ понятіе съ одной стороны о великолѣпннхъ комнатныхъ украшеніяхъ у древнихъ, а съ другой о чистотѣ ихъ вкуса. Эти памятники также полезны для изученія изображеній, потому-что здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, можно предположить копія съ отличныхъ или, по-крайней-мѣрѣ, извѣстнѣйшихъ тогда картинъ.

6. *Металлическія работы.* Металлическія издѣлія древнихъ свидѣтельствуютъ о такомъ развитіи этого искусства, котораго до-сихъ-поръ еще не могутъ достигнуть въ новѣйшія времена. Такъ-какъ ихъ искусство происходило изъ ясныхъ и вѣрныхъ понятій, то они легко находили самыя простыя и вѣрныя средства обрабатывать свои произве-

денія. Въ обработкѣ металловъ искусство отливки не такъ важно какъ сплавъ, а о послѣднемъ свидѣтельствуютъ съ отличной стороны золотыя вещи, найденныя въ этрусскихъ гробницахъ. При отливкѣ статуи они никогда не заботились о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь необыкновенное, а старались только сдѣлать что-нибудь изящное. Такъ какъ имъ прежде всего надобно было отлить чисто и красиво, то они и разлагали модель на столько частей, на сколько она можетъ дѣлиться, а потомъ имъ уже легко было соединять эти части въ одно цѣлое. Поэтому-то не только колоссы, но и предметы меньшихъ размѣровъ вылиты изъ нѣсколькихъ частей — особенность, на которую въ новѣйшее время не обратили должнаго вниманія, что и сдѣлалось причиною заблужденій. Сколько извѣстно, въ Наполеоновомъ музеѣ было болѣе всего бронзовыхъ издѣлій, и число ихъ увеличилось только не многими вновь открытыми вещами, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ танцующій фавнъ. Разрытія, произведенныя въ сороковыхъ годахъ, обогатили, впрочемъ, нѣсколько римскихъ музеевъ. Статуя Марса, найденная въ Тоди, замѣчательна стилемъ и италійскою надписью. Колоссальная рука Нептуна, найденная въ морѣ, близъ Чивитта-Веккіи, представляетъ отличнѣйшій остатокъ бронзовой работы, временъ Траяна; а статуя Матроны, которая перешла изъ Ватикана въ Глиптотеку, можетъ быть причислена къ лучшимъ античнымъ изваяніямъ. Кромѣ этихъ произведеній, въ Этруріи вырыто значительное количество маленькихъ бронзовыхъ статуи, которыя представляютъ много истинныхъ красотъ и расширяютъ кругъ извѣстныхъ изображеній, потому-что между ними нѣрѣдко встрѣчаются подражанія извѣстнымъ греческимъ образцамъ. Къ лучшимъ произведеніямъ чисто-греческаго искусства принадлежатъ тѣ превосходныя рельефныя изображенія битвы Амазонокъ, которыя прежде принадлежали Брендштеду, а теперь находятся въ Британскомъ музеѣ. Но древніе дѣлали изъ бронзы не одни только статуи и рельефы; изъ этого же матеріала сдѣлано множество домашней посуды. Бронзовыя канделябры, треножники, вазы и другія вещи были находимы въ Этруріи, въ Геркуланъ и Помпеѣ, и представляютъ археологическій и художественскій интересъ, но ученые еще очень мало занимались ими. Нѣкоторыя изъ нихъ срисованы Микали. Онъ же первый описалъ золотыя уборы, которыми такъ богаты вувльченскія и черветрійскія разрытія. Найденный въ Черветри уборъ жреца прямо ука-

зываетъ на сходство этрусскихъ нравовъ и обычаевъ съ восточными. Серебряное блюдо, лежавшее въ той-же гробницѣ, показываетъ замѣчательное сходство съ подобными произведениями египетскаго искусства ; тоже можно сказать и о бѣльшей части бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ тоже время. Вообще подробное изученіе древнихъ металлическихъ произведеній, въ особенности тѣхъ, которыя принадлежатъ болѣе отдаленной эпохѣ, обѣщаетъ неожиданные и любопытные результаты. Отъ нихъ можно было бы перейти къ тѣмъ чернымъ сосудамъ съ античными рельефами, которые представляютъ съ ними нѣкоторое сходство, но отличаются болѣе солидною отдѣлкою, что и заставляетъ думать, что рельефы не были просто фантастическія украшенія безъ миѳическаго значенія. — Всѣмъ этимъ еще очень мало занимались и о подобномъ различіи едва упоминали, не только-что не опредѣлили его навѣрное, что, конечно, потребовало бы сравненія всѣхъ доселѣ найденныхъ металлическихъ сосудовъ, число которыхъ довольно велико. Но до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ сдѣлано подобнаго раздѣленія ихъ на разряды и пока не будетъ рассмотрѣна цѣль орнаментальнаго элемента вообще, ученые все будутъ имѣть не твердыя понятія объ ихъ древности, употребленіи и значеніи. Какое вниманіе древніе обращали на выборъ украшенія къ каждому предмету, можно яснѣ всего видѣть изъ металлическихъ зеркалъ, которыя прежде принимали за *патеры* или жертвенныя блюда. Эти блюда перьдко сдѣланы съ большимъ вкусомъ и положены въ ящики или такъ называемыя мистическія цисты, гдѣ иногда находятъ гребни и другія уборы, которыя украшены съ задней стороны рѣзьбою, изображающей эротическія сцены. Если иногда встрѣчается изображеніе битвы Ахиллеса съ Пентезилеею, то развѣ потому, что этотъ мужественный герой былъ побѣжденъ красотою гордой женщины. Въ этихъ изображеніяхъ никогда не встрѣчается Харонъ съ своею свитою, котораго мы такъ часто видимъ на этрусскихъ надгробныхъ урнахъ. Вообще рисунки этихъ зеркалъ такъ оригинальны, что имъ перьдко подражали при украшеніи вазъ или даже блюдь. Важность этихъ изображеній увеличивается еще этрусскими надписями, встрѣчаемыми надъ отдѣльными фигурами и составившими родъ словаря такъ-мало извѣстнаго намъ этрусскаго языка.

Чрезвычайная польза, которую доставляетъ намъ изученіе этихъ памятниковъ, была причиною того, что на нихъ давно уже обратили вни-

маніе. Ихъ очень долго считали мистическими зеркалами. Ингирами первый собралъ въ Скіасри точные рисунки всѣхъ тогда известныхъ зеркалъ; впрочемъ, съ-тѣхъ-поръ число этого рода памятниковъ вдвое увеличилось этрусскими и керченскими разрытіями. Гергардъ заказалъ рисунки ихъ и издалъ ихъ при сочиненіи, къ которому также приложены цисты или туалетные ящики, украшенные такими же рѣзными, а иногда литыми рельефными изображеніями. Одинъ изъ такихъ ящичковъ, вокругъ богато украшенный амазонскими битвами, перешелъ съ мѣста отрытія въ этрусскій ватиканскій музей, но изображеніе аргонавтовъ на цистѣ, найденной Кирхеромъ въ Пренестъ, все еще остается превосходнѣйшимъ рисункомъ, доставшимся намъ отъ древнихъ, и однимъ изъ лучшихъ произведеній древняго искусства.

7. *Нумизматика.* Съ-тѣхъ-поръ, какъ Эжелъ привелъ нумизматическія изслѣдованія къ блестящему результату, въ продолженіе многихъ лѣтъ почти ничего не было сдѣлано для этой науки. Только во второе десятилѣтіе нынѣшняго вѣка стали появляться сочиненія, поддерживающія колоссальное зданіе нумизматики. Миллингеновы труды составляютъ въ этомъ случаѣ эпоху. Остроумная критика и утонченность выбора придаютъ его коллекціи вновь найденныхъ монетъ вѣроятіе и интересъ. Неутомимое стремленіе къ составленію коллекцій привело его въ сношенія со всѣми известнѣйшими нумизматиками, а вліяніе его вездѣ принесло несомнѣнную пользу. Такъ напримѣръ, большая мионетская коллекція, по-крайней-мѣрѣ, мало-по-малу частями, получала ученый характеръ. Основаніе миланскаго собранія медалей и значительное распространеніе мюнхенскаго, произошли въ эту же эпоху. Первое было обогащено коллекціями Миллингена, Санклемента и въ особенности канонискою коллекціею герцога моденскаго. Кромѣ того вездѣ основаны были коллекціи, которыя почти все разсмотрѣны и описаны Сестини. Этотъ Флорентинецъ принесъ большую пользу наукъ своими многочисленными нумизматическими сочиненіями. Онъ былъ въ особенности искусенъ въ опредѣленіи монетныхъ дворовъ, но за-то во всемъ прочемъ рассуждалъ чрезвычайно произвольно и до-того некритически, что все, сколько-нибудь нетвердья, его убѣжденія, надобно признавать скорѣе сомнительными, нежели достойными вѣроятія. Все это можно сказать только о греческихъ и не-римскихъ монетахъ. Совсѣмъ другое видимъ мы въ римской нумизматикѣ. Подныхъ реестровъ, каковъ напримѣръ Мионетозъ, здѣсь почти вовсе не

существуетъ, и даже разысканія Экеля о римскихъ монетахъ заставляютъ желать еще очень многого. Только неполныя извѣстія сообщаютъ намъ «*Doctrina numismatum*» о консульскихъ или фамильныхъ монетахъ. При изученіи императорскихъ монетъ недостаточныя познанія Экеля въ эпиграфикъ были весьма вредны. Но эти слабыя стороны были бы не такъ замѣтны, если бы ими не занимался человекъ, принадлежащій, безъ сомнѣнія, къ отличнѣйшимъ и счастливѣйшимъ изслѣдователямъ древностей. Это Бартоломео Боргези, который своими нумизматическими декадами, напечатанными въ «*Giornale Arcadico*», сообщилъ изученію фамильныхъ монетъ совершенно другое направленіе. Эти монеты до того проникнуты тогдашнимъ духомъ Римлянъ, что, кажется, видны на нихъ слѣды важныхъ происшествій того времени. Нравы, права и вся случайности римской жизни изображались на нихъ граціозными эмблемами. Смотри на нихъ, исторія оживаетъ передъ нами со всеми мельчайшими ея подробностями. Однимъ словомъ, тутъ мы встречаемся съ нумизматикою, столь же отличною отъ нумизматикъ другихъ народовъ, сколько римская исторія отлична отъ всякой другой. Со временъ Морелли мало сдѣлано для коллекцій этого рода. Впрочемъ Боргези составилъ каталогъ всѣхъ, досель извѣстныхъ, фамильныхъ монетъ. Такую же важность имѣетъ и другой трудъ по части италійской до-римской нумизматики, издаваемый римскимъ іезуитскимъ collegіумомъ. Богатое собраніе бронзовыхъ гирь или ассовъ, доставило ему главные матеріалы. Памятники самыхъ отдаленныхъ, почти до-историческихъ временъ, получаютъ посредствомъ этого труда точное опредѣленіе и представляютъ исторіи искусства точку опоры и смѣлѣйшіе результаты.

8. *Эпиграфика*. Эту отрасль большой науки древностей несправедливо причисляютъ къ филологіи, потому что эпиграфическіе памятники вовсе не литературныя произведенія; они имѣютъ совершенно монументальный характеръ и изученіе ихъ рѣшительно принадлежитъ къ археологіи. Конечно, для эпиграфическихъ изслѣдованій необходимо знаніе языка, но одно оно все же недостаточно; къ тому же эпиграфика такъ тѣсно и существенно связана съ нумизматикою, что ихъ никакъ невозможно раздѣлить. Быть можетъ, этого нельзя сказать о греческихъ надписяхъ, но замѣчаніе наше вполне справедливо, если дѣло идетъ о римской эпиграфикѣ. Здѣсь объ отрасли археологіи такъ важны одна для

поясненія другой, что каждая изъ нихъ отдѣльно принесетъ только умѣренные результаты. Греческая эпиграфика достигла высокой степени совершенства трудами Бѣка. Новыя открытія, напримѣръ «Inscriptiones», изданныя въ Аѳинахъ Россомъ, только пополняютъ ихъ.

Римская эпиграфика не можетъ похвалиться ни чѣмъ подобнымъ, и не смотря на всѣ усилія ученыхъ послѣ Мануція и Грутера, наука эта, вмѣсто облегченія, становится постоянно труднѣе и труднѣе. Два главныя препятствія, встрѣчаемыя въ ней, — множество поддѣльных надписей и трудность чтенія ихъ. Мы уже сказали, что сдѣлалъ по этой части Марини. Его ученикъ Бартоломео Боргези всю свою жизнь посвятилъ на то, чтобы собрать всѣ надписи время консульства въ одно цѣлое, и пока былъ живъ Келлерманъ, на котораго Боргези смотрѣлъ какъ на своего ученика, была надежда видѣть полное собраніе всѣхъ римскихъ надписей, потому что послѣдній занимался надписями время римской имперіи. Лучшими эпиграфиками новѣйшаго времени считаются Лабусъ, Орелли и Клеменсъ Кардинали, который очень искусно воспользовался бумагами, оставшимися послѣ Марини. Величайшимъ эпиграфикомъ послѣ Боргези могъ бы сдѣлаться Эмилиано Сартти, если бы этотъ ученый изложилъ письменно свои обширныя познанія. Результаты изученія этрусскихъ надписей не превышаютъ палеографическихкихъ свѣдѣній. Въ этомъ случаѣ замѣчательнъ Лепсіусъ, первый, приложившій сравненіе новѣйшихъ языковъ къ изученію этихъ непонятныхъ памятниковъ. Предметы, изображаемые на древнихъ памятникахъ, могутъ быть разсматриваемы критически и объяснены подробно только по опредѣленію различныхъ родовъ памятниковъ, на которыхъ они встрѣчаются. Также точно надобно поступать и при сравненіи разныхъ памятниковъ. Конечно, мы обязаны древней литературѣ многими познаніями, безъ которыхъ нельзя было бы и думать объ объясненіи древняго искусства вообще, но все же она не такъ полезна, какъ привыкли думать до-сихъ-поръ. Это зависитъ частью отъ разности литературы и искусства, частью же это дѣло неблагоприятнаго случая. Писатели проходятъ совершеннымъ молчаніемъ мнѳы, обычаи и тысячи случайностей, о которыхъ такъ живо говорятъ памятники. Позднѣйшему и частью настоящему времени предоставленъ трудъ сравнить памятники и пополнить свѣдѣнія о нихъ. Винкельманъ и Висконти счастливо воспользовались нынѣшними средствами для своихъ отдѣльныхъ

трудова, а Цэга старался сдѣлать изъ нихъ болѣе общій выводъ. Написи, давшія возможность понять нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ рисунковъ назъ, найденныхъ въ восточной Этрурiи, представляютъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ (герменевтическихъ, объяснительныхъ) элементовъ; но, не смотря на значительное количество, изъ нихъ еще не извлекли возможной пользы. Одни пользуются ими, но не указываютъ на нихъ, другіе вовсе оставляютъ ихъ безъ вниманія. Если въ какой-нибудь области изученія древностей господствуетъ произволь, то конечно болѣе всего въ указаніяхъ и объясненіяхъ искусства, и естественнымъ слѣдствіемъ этого были самыя недостаточныя свѣдѣнія о понятіи древнихъ объ искусствѣ. Гиртовы «*Bilderbuch für Mythologie, Archäologie und Kunst*», и Милленова «*Galérie mythologique*», только отчасти познакомили публику съ мифологическими изображеніями. Кажется, отъ нихъ большаго и не ожидали, да и «*Bilderhefte*» О. К. Мюллера и Эстерлея не сдѣлали ничего больше. Репертоаръ древнихъ искусственныхъ изображеній, съ приложеніемъ вѣрныхъ рисунковъ извѣстныхъ и подробно объясненныхъ памятниковъ, чрезвычайно важенъ, но для составленія его нужны значительныя издержки и обширныя свѣдѣнія въ археологической литературѣ и о самыхъ памятникахъ. Только съ помощію такого сочиненія можно было бы приступить къ истинно-учебнымъ и полезнымъ трудамъ и объясненіямъ. Рауль-Рошетъ сдѣлалъ важное для науки описаніе цѣлаго ряда значительнѣйшихъ памятниковъ, хотя, по видимому, онъ, и не занимаясь этимъ специально, довольно подробный реестръ нынѣ извѣстныхъ изображеній, до нѣкоторой степени объясненныхъ, находится въ Мюллеровомъ руководствѣ къ археологiи искусства, но онъ ничего не сдѣлалъ ни для классификаціи этихъ изображеній, ни для пользы археологiи собственно, и этотъ отрывокъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить такого репертоара. Чрезвычайно полезна въ этомъ отношеніи Мюллерова классификація, составленная частью по плану Миллена, но она требуетъ пополненій и поправокъ, по списку, прибавленному къ античнымъ изваяніямъ Гергарда.

III. *Исторія искусства.* Эта наука заключаетъ въ себя всю археологiю, то-есть, окончательныя ея результаты, и составляетъ ея синтетическую часть, въ которой должно быть соединено все, что выведено изъ всехъ упомянутыхъ отдѣловъ, и потому для точнаго ураз-

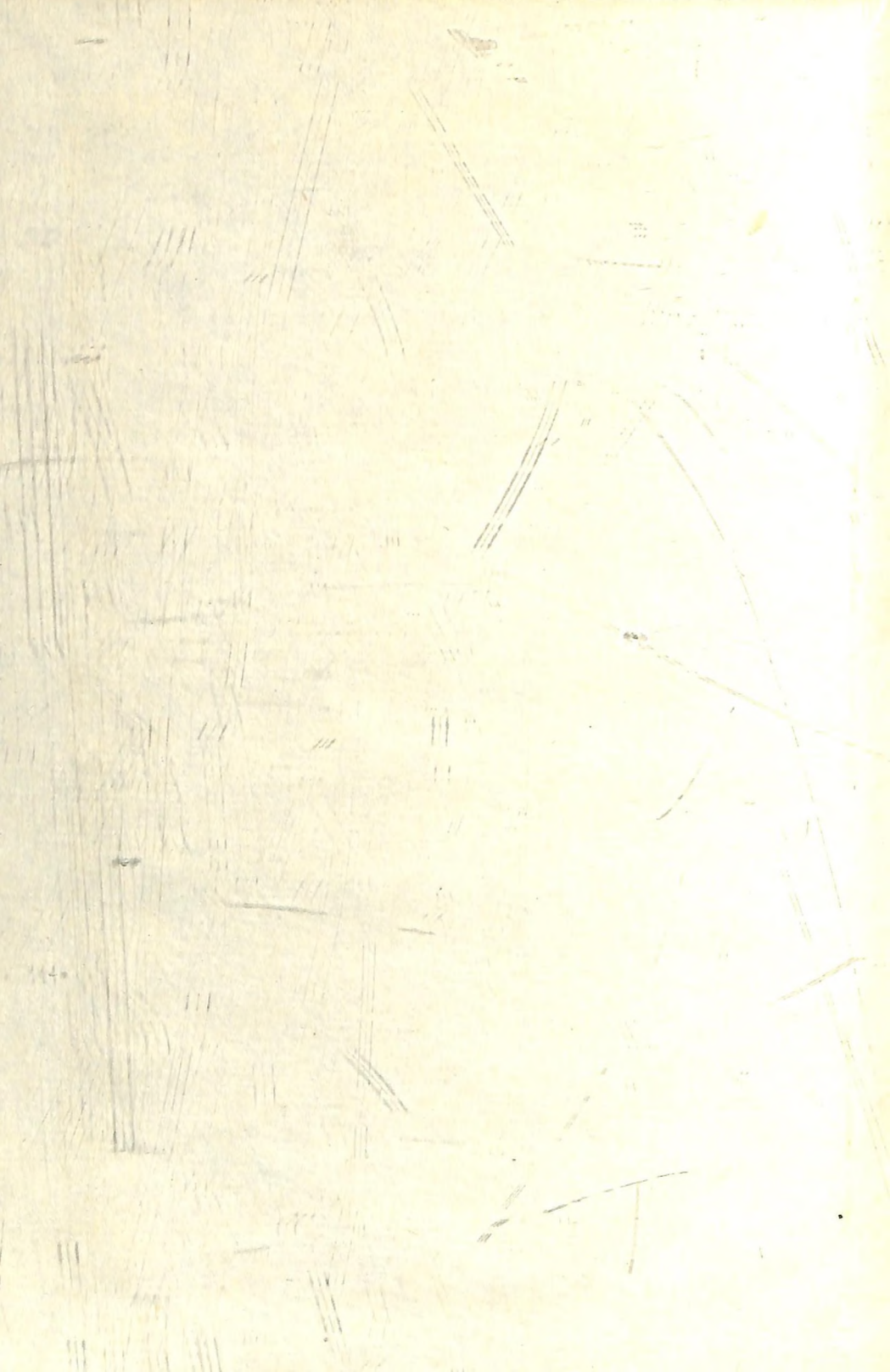
умѣнія исторіи искусства необходимо хорошо знать весь археологическіе матеріалы, также, какъ для уразумѣнія исторіи литературы необходимо знакомство съ изящною словесностью; къ сожалѣнію на это не обращали до-сихъ-поръ никакого вниманія; молодымъ людямъ набиваютъ голову пустыми, невѣрными свѣдѣніями, вмѣсто того, чтобы ознакомить ихъ прежде всего съ трудностью археологическихъ изысканій. Исторія искусства почти всегда наполняется общими и пышными фразами. Въ новѣйшее время явились даже историки искусства съ самыми удивительными понятіями, и потому, если бы кому-нибудь вздумалось предпринять строгое изчисленіе всѣхъ полныхъ результатовъ, то число ихъ ограничилось бы весьма немногимъ. Послѣ Винкельмана очень мало трудились надъ учено-историческимъ распределеніемъ и объясненіемъ археологическихъ деталей, и при этомъ всего менѣе заботились о памятникахъ: вообще большая часть писателей опирались на литературныя свидѣтельства, то-есть, одинъ списывалъ съ другаго, или еще искажалъ его, своимъ остроумнымъ толкованіемъ. Только трудъ Шорна: «Объ изученіи древнихъ художниковъ», составлялъ въ то время утѣшительное исключеніе. Безъ помѣщи отличныхъ художниковъ также нельзя сдѣлать ничего важнаго, ни для объясненія памятниковъ, ни для исторіи искусства; Винкельманъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, показалъ примѣръ ученой ревности и самоотверженія.

Для историческихъ изысканій необходима способность уразумѣнія техническихъ деталей. Общія взгляды, аналогія политической и литературной исторіи древнихъ, даже понятіе объ ихъ поэзіи, могутъ считаться предметами второстепенной важности. Для литературныхъ изслѣдованій необходимо знаніе языка, а для пользы историческихъ изысканій археологу надобно заботиться о художественномъ понятіи памятниковъ.

Чѣмъ болѣе чувствуемъ мы недостаточность нашихъ свѣдѣній о памятникахъ, тѣмъ съ болѣею похвалою слѣдуетъ намъ упомянуть о томъ рвеніи, которое въ послѣдніе двадцать лѣтъ одушевляло ученыхъ, занимающихся приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи искусства. Хронологическія опредѣленія и всестороннія изслѣдованія письменныхъ памятниковъ имѣющихъ какое-либо вліяніе на эту исторію, очень замѣчательны. Никто не выказалъ при этомъ болѣе таланта и способности какъ К. О. Мюллеръ; его обширная и во всѣхъ

отношеніяхъ полезная «Археологія искусства», привела историческія изысканія къ удовлетворительному результату. Но краткость изложенія, къ которой онъ былъ принужденъ самымъ предметомъ, несколько пополяется рецензією на эту книгу Фридриха Тирша и сочиненіями: «Объ эпохахъ изящныхъ искусствъ у грековъ», «Вѣнскими лѣтописями» («Jahrbücher») и «Всеобщюю литературною газетою, въ которой напечатано. «Обозрѣніе исторіи греческаго искусства»

M. K.

HMPO KPOB 8218/127
PK 1172
AC 10827
PK 19321307

